

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ЭТО БЫЛО в Нагорном парке Вильнюса на красочном празднике народных ансамблей в честь 50-летия СССР. Плыли в вечернем небе непохожие одна на другую национальные вязь литовского хоровада врывался веселый перепляс белорусской «Бульбы», и «ткали» свой изящный танец эстонские мастерицы...

Но вот луч прожектора высветил одинокую ель на холме. Нет, и не ель уже — силуэт Пирчюпской матери, знакомой по скульптурному памятнику лауреата Ленинской премии Г. Йокубониса. Мать Пирчюпис, собравшая, наверное, всю скорбь и весь гнев матерей мира! И словно ожил камень в тот вечер, и голос матери слился с многоголосым хором:

Была деревня,
И деревни нет.
Неправда!
Есть деревня эта!
Есть!
Она горит и по сей день,
Сегодня.
И будет до тех пор гореть,
пока
Те, кто поджег деревню
эту, живы.

Вы помните? Этим запевом открывал Юстинас Марцинкявичюс свою героическую поэму «Кровь и пепел». И вот снова строки поэмы отзывались в сердце напоминанием о пережитом, об ответственности за каждый час жизни, за каждый шаг, сделанный в ней...

Нет, просто невозможно было не повидать Юстинаса Марцинкявичюса. Но телефон молчал, не откликаясь, и другой день, и третий. Возможно, встречается с читателями — это он делает очень часто и с большой охотой. А может быть, думала я тогда, где-нибудь в Паланге или на песчаной Ниде ловит янтарное солнце? Естественно предположить такое, если не знать, как он обычно отдыхает: груды книг, которые надо прочесть, стихи, которые надо перевести на литовский. Его любимый Есенин, Мицкевич, поэмы Пушкина и лермонтовский «Демон», стихи Смелякова, Межирова, Рождественского, белорусская, украинская, таджикская поэзия переводились именно так — под шум прибоа.

А может быть, вместе с семьей он уехал к отцу в деревню. И вслушивается в говор тучных хлебов, в аистыные пересуды на крыше... Или, натрудив заскучавшие по физической работе руки (на вопрос: «Любимое занятие в деревне?» — он так и ответил: «Хотя бы дрова колоть») и прихватив с собой дочерей, отправится в дорогу — куда глаза глядят.

— Мое детство прошло в самой гуще деревенской жизни, — рассказывал Марцинкявичюс мне при встрече, — свое начало я привык искать там и «выводить» себя оттуда. Литовская деревня была мелкобуржуазной. Немалую дозу этих воззрений вынес и я. И привез с собой в Вильнюсский университет этакую позицию невмешательства. Но в республике происходили необыкновенные перемены. И жизнь подхватила меня, увлекла, повела за собой. Еще на университетской

люди искусства

ВЕРНОСТЬ

скамье я впервые почувствовал себя гражданином, несущим за новую жизнь, пришедшую в Литву, долю общей ответственности. Я не мог не рассказать о своих исканиях и обретениях. Мне хотелось помочь другим, подобно мне, искавшим тогда

«Стена» — и оказываемся в мощном дворике у стены, испещренной морщинами времени, и вслед за старой Марцелле начинаем размывать клубок ее воспоминаний. День за днем. Шаг за шагом. А вместе с тем отходят на второй план приметы

А. КУРЖИЯМСКАЯ

свое место в новой действительности. И я написал поэму «Двадцатая весна».

В следующей поэме «Кровь и пепел» Марцинкявичюс снова возвращается к анализу «серединой дороги». Сколько доводов в защиту скромного желания — отсидеться под своей кровлей, не причиняя никому зла, — приводит себе герой его поэмы Мартинас Давнис долгими ночами, когда ухают выстрелы и где-то в лесу подкарауливает фашистов его собственный брат. Любить бы жену, ждать появления на свет сына, сладко улыбаться нажитому добру — чего же еще? Но позиция «отсидеться» и «переждать» — подруга предательства, она приводит к измене делу, людям. И в конечном счете — самому себе.

Мы открываем первую страницу другой поэмы —

места, имена, события — поэту важно другое. Это могло случиться в русском дворике, и в украинском, и в ста, и в тысяче километрах отсюда. Просто в человеческой жизни. Человек всегда оглядывается в конце пути на пройденное. Но всякий ли раз он гордится, что укротил свой страх и стал большим и сильным? И вовсе не обязательно, очевидно, дожидаться конца пути и седых волос, а вот сейчас же, отложив в сторону книгу, стоит оглянуться назад. И убедиться в правильности дороги, которую выбрал...

Москвичи увидят на сцене Театра имени Ермоловой драму в стихах Марцинкявичюса «Миндаугас», первую часть его трилогии для театра. И снова — разговор о долге человека перед людьми, о красоте жизни, отданной на их благо. Все это так. Но почему же на материале далекого прошлого?

— Мне бы хотелось, — поясняет поэт, — чтобы литература всеми своими средствами говорила о непрерывности, неистовности не только традиций, но и главным образом того, к чему должны путями истории стремиться народ. Человек, не ощущающий громадного опыта поколений, опыта народной жизни, просто слаб как личность, как характер. Я задумал трилогию для театра, чтобы проследить историческую память народа, проследить, как он пытался осмыслить себя, утвердить себя на этой земле. Как он боролся, терпел поражение, но шел по пути прогресса.

...Он живет на улице Антакальне, в новом районе, где нет уже островерхих крыш и узких улочек старого города, — там, где поселились служители муз — композиторы, писатели, художники. В центр часто ходит пешком. Вдоль спокойной, не одетой в гранит Нерис, мимо школы искусств имени Чюрлениса. Минует Кафедральный собор. Сколько людей — жителей и гостей литовской столицы — приходит сюда, в картинную галерею, где каждое воскресенье к тому же даются большие концерты.

Кафедральный собор. Это в нем происходят события, описанные им в средней части триптиха. Драма «Собор» — о трагедии и судьбе талантливого зодчего Лауринаса, создавшего этот собор в давнюю годину, когда лилась кровь и сыпался пепел на истерзанную землю Литвы. Но при всей своей хроникальности это все-таки не только историческая вещь. Поэт вместе с нами исследует проблемы: художник и общество, творец и народ. Он подводит зрителя к размышлению об общественной функции искусства, предоставляя возможность убедиться, что всегда, во все времена (и сегодня, естественно, тоже) перед искусством и творцами его стоит неизменный воп-

рос: во имя чего? Во имя чего слагается сонет, пишется симфония, создается архитектурный шедевр? Подлинная радость приходит к художнику только тогда, когда творчество его корнями связано с жизнью народа и служит ему.

И так уж случается, что от событий, происходящих на сцене, ты возвращаешься в сегодня. И думаешь о миллионных тиражах книг, о переполненных выставочных залах, о разнообразных и неисчерпаемых в наши дни возможностях общения художника и народа, о чем не могли даже мечтать великие мастера прошлого. И вспоминаешь о литературной судьбе самого Юстинаса Марцинкявичюса (он не без гордости причисляет себя к «первому поколению от плуга, посаженному за писательский стол»)...

— А заключительная часть трилогии будет о Чюрленисе?

— Откуда пошел этот слух? — удивляется Марцинкявичюс. — Нет, не о нем. Мне бы хотелось осмыслить опыт народа в условиях социалистической жизни, когда его судьба, его настоящее и будущее — в его руках. Когда уже не отдельные, переросшие свое время крупные личности, а сам народ утверждает себя в своих деяниях и творит чудеса на земле. И как вместе с народом обогащается личность отдельного человека, хотя становление личности не происходит без конфликта, без противоречий. Проследить этот процесс — долг писателя.

Не означает ли этот интерес к театру, что поэзия в его творчестве уступила место драматургии?

Делаю вид, будто не знаю, что в это же время быстро разошлась его книга лирики «Старая азбука» и стихи для детей «Ой, как холодно» (о зиме), что русский читатель познакомился с лирическим сборником «Деревянные мосты» и вот-вот получит выходящий в издательстве «Художественная литература» однотомник его произведений. Но мне интересно услышать, как сам Марцинкявичюс относится к театру. И почему — театр?

— Многие мои крупные по объему вещи были подвергнуты инсценировке. И таким образом был сделан шаг к театру. Но даже сейчас не считаю себя драматургом. Просто пользуюсь драматургической формой на данном этапе — так более непосредственно можно разговаривать со зрителем. А театр очень люблю. Никакой другой вид искусства не обладает такой возможностью коллективного переживания, коллективного восприятия, как этот. Я поклонник поэтического театра. Но не считаю, естественно, что все театры должны стать таковыми. Просто, мне кажется, поэтический театр открывает новые возможности для актера, для поиска новых сценических красок. И вызывает к жизни новый вид драматургии. По-моему, поэтический театр позволяет более масштабно говорить о времени, людях, событиях. Говорить возвышенно. Он наиболее соответствует, с моей точки зрения, современному зрителю, который сегодня подготовленнее, нежели даже лет десять — двадцать назад. О, если бы кто знал, как приходится сегодня много работать, читать (я вообще считаю: кто-кто, а уж писатель должен быть самым примерным читателем) и многое стараться узнать. Историю, психологию, философию... Без этого сегодня прожить нельзя.

Книги Марцинкявичюса несут на себе эту печать и требование времени. И вместе с тем они напоены ароматом земли, источают ее звуки и краски. Он сказал мне: «Постоянная близость к земле, к природе, даже какое-то олицетворение ее — это лежит в народной стихии».

Но не ищите в поэтических строках Марцинкявичюса любования природой, умиления деревенской жизнью, патриархальной стариной. Здесь другое. Он заставляет нас заметить красоту в самых обыденных и обыкновенных вещах. Увидеть и в них неповторимое чудо природы. И вновь испытать радость (как в первый раз, в детстве), радость открытия. Что калачиком сворачивается у ваших ног, день, что можно, оказывается, обламывать лучи (как лучину, например) и класть на колени охапки молний. И опутить, как пахнет борозда теплым хлебом. Увидеть, изумиться, ценить и беречь — глубокий смысл заложен в этих поэтических сравнениях.

...Через все творчество Юстинаса Марцинкявичюса проходит образ матери. Мать, дарующая человеку жизнь. Мать, ожидающая его первый шаг, его первое слово. Мать-родина, которой так нужно и так важно, чтобы в делах своих — в большом и в малом — каждый чувствовал себя хозяином, личностью, чтобы был верен высокому назначению. Человека.